

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94(47).072, УДК 94(47).072.5, УДК 908

А. В. Белов

Театр Москвы в начале XIX в.: смена статуса, особенности функционирования, гибель и возрождение¹

В статье рассмотрен один из важнейших этапов истории московского театра, который относится к первым десятилетиям XIX в. В это время театр пережил целый ряд ударов, сменил свой статус с частного на императорский. Это позволило сохранить структуру и создать условия для дальнейшего развития. Особое внимание уделено гибели театра в 1812 г. и попыткам возродить театр в Москве. Данное событие занимает особое место в истории московского театра. С этого момента функционирование театра в Москве воспринимается как неотъемлемая часть жизни города и больше никем не ставится под сомнение.

Ключевые слова: театр, Москва, Екатерина II, М. Г. Медокс, Арбатский театр, Отечественная война 1812 г.

Belov A. V. The theater of Moscow at the beginning of the 19th century: change of the status, feature of functioning, death and revival

In article one of the most important stages of history of the Moscow theater which belongs to the first decades of the 19th century is considered. At this time the theater not only endured a number of blows; changed the status with private

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект № 18-09-00047 А.

© Белов А. В., 2018

with imperial. It allowed to keep structure, to create conditions for its further development. Special attention is paid to death of theater in 1812 and to attempts to revive theater in Moscow. This event holds a specific place in the history of the Moscow theater. From this point functioning of theater in Moscow is perceived as the integral part of life of the city is called by nobody into question any more.

Keywords: theater, Moscow, Catherine II, M. G. Medical Construction Department, Arbat theater, Patriotic war of 1812.

К началу XIX в. окончательно оформились представления современников о статусе и роли театра в Москве, который давно перестал рассматриваться (в отличие от начала XVIII столетия) как некое учрежденное властью чужеродное сооружение, судьба которого зависела исключительно от прихоти самой власти, которая стремилась таким образом привить населению западную культуру. Теперь москвичи желали иметь собственный театр, который успел не только превратиться в достопримечательность города, но и стал важной, даже обязательной частью его среды: архитектурной, культурной, статусной. Высшая власть, желавшая того же с самого начала и много сделавшая для укоренения театральной культуры, естественно, не возражала.

В 1804—1805 гг. шла работа специально созданного комитета по разъяснению положения дел с долгами антрепренера М. Г. Медокса (Мэдокса) и его творения — Петровского театра — первого постоянно действующего профессионального театра Москвы. Предприниматель был объявлен полным банкротом и лишен прав на театр. Какое-то время Петровским театром руководил Воспитательный дом, а сам театр считался частью (собственностью) Ведомства учреждения императрицы Марии Федоровны, к которой относилась эта организация. Но подобное положение дел не могло продолжаться долго, так как было абсолютно противоестественным.

После пожара 1805 г., «признавая необходимость театра для Москвы» [5, с. 2], император лично распорядился о строительстве нового здания для нужд московской труппы и жителей Первопрестольной.

В связи с подобным положением дел высочайшее решение не заставило себя долго ждать. 29 декабря 1805 г. состоялся «всеподданнейший доклад» «Главного Директора Императорских театров

Петербурга» А. Л. Нарышкина об учреждении «московских театров Императорской дирекции» и о подчинении их «Императорской дирекции» [6, с. 93, 133]. 26 декабря 1806 г. (по другим данным — 1 апреля 1806 г.) московский театр (бывший театр М. Г. Медокса) получил официальный статус «Императорского театра» [7, с. 110]. 8 августа 1808 г. был утвержден штат управления московским театром и его труппы [28, с. 34—35]. Как частное предприятие труппа английского антрепренера закончила свое существование спектаклем, состоявшимся 10 февраля 1806 г. [1, с. 161].

С присвоением Петровскому театру статуса императорского, он перешел в ведение Петербургской дирекции императорских театров. Но, по сути, данное решение было сугубо формальным. Театр давно являлся императорским по факту. Историк В. Погожев в качестве даты включения театра М. Г. Медокса в группу императорских называет 1805 г., т. е. время, когда М. Г. Медокс только утратил свои права.

Статус императорского обеспечивал не только (и не столько) подчиненность репертуара вкусам правителя (как это считалось в советской историографии, которая в соответствии с присущей ей традицией порой излишне политизировала ситуацию) [11, с. 762]. Так, например, исполнявший должность цензора профессор Московского университета надворный советник Чеботарев поставил под сомнение возможность постановки на сцене трагедии «Владимир» [29], из-за чего у Медокса были неприятности, так как «сей профессор по прочтении возвратил ему с подписанием таким, что сию пьесу за вмещенными в ней замеченными от него словами на театре представлять, по мнению его, кажется ему непристойно» [8].

Жесткая цензура и личное мнение императора играли большую роль и во второй половине XVIII в. Распространение нового статуса в начале следующего столетия означало не только контроль, но и покровительство. Как показал опыт реформирования русского театра (самым внимательным образом проанализированный В. Погожевым, который искал оптимальные пути продолжения данного процесса), подобное положение дел было обязательным условием развития театрального дела в России. Оно исходило из внутренних особенностей развития как самой страны, так и ее театров, и осуществлялось в условиях, весьма отличных от аналогичных процессов в странах

Запада [6, с. 29]. Следуя заветам Петра Великого, власть брала на себя обязанности верховного просветителя общества. Так, например, московский главнокомандующий являлся «с давнего времени высшим представителем правительствующего меценатства в столице» [6, с. 33]. Но, кроме этого, подобная протекция позволяла театральным коллективам элементарно выжить. Присвоение статуса «императорского» автоматически передавало театру право на монополию учреждения маскарадов и прочих подобных им «собраний» (за исключением концертов) [1, с. 70]. Тем самым власть обеспечивала создание благоприятной финансовой среды для развития сценического дела, которое в финансовом отношении было очень не устойчивым. Даже в 1820 г., когда материальное положение московского театра не только нормализовалось, но и упрочилось, его расходы «превысили штатное положение на 21 тыс. 657 руб. 59 ½ коп.» [5, с. 135]. И это за период, когда общие доходы театра составили без малого полмиллиона (449 343 руб.) [5, с. 137].

Приобретение статуса не привело к построению абсолютно нового театрального коллектива. Игра велась силами труппы, собранной М. Г. Медоксом. Показательно, что при переведении сотрудников в штат «актеров Императорского театра» в срок их службы были зачтены годы, когда они являлись членами частной труппы, что было сделано «для выслуги пенсии» [4, с. 4]. Таким образом, служба в новой дирекции считалась с апреля 1806 г. [1, с. 161]. Уже один этот факт указывает на полную преемственность коллективов [4, с. 4]. По данным на 1809 г., в состав труппы входило чуть более 40 артистов, а также несколько человек из числа технического состава (суфлеры, писари и т. д.) [6, с. 146—149].

Пожар 1805 г. лишил труппу московского театра ее единственной собственной театральной площадки. Актеры выступали на сценах различных частных театров города. В основном спектакли шли на Моховой улице в доме коллежского асессора Пашкова [1, с. 161]. Представления давали в здании, где располагается университетская церковь. Этот вариант был наиболее удобным, т. к. помещение вполне подходило для проведения спектаклей. Всего за 10 лет до этого в нем уже шли сценические представления, исполняемые несколькими коллективами крепостных актеров, в первую очередь труппы очень известного в то время театра Д. Е. Столыпина [4, с. 6].

О значимости обустройства в Москве театра говорит и тот факт, что усилия Пашкова были отмечены личным рескриптом императора от 22 декабря 1806 г. В нем выражалась благодарность хозяину дома за его искреннее стремление поддержать театральное дело в Москве, а предпринимаемые усилия определялись не менее чем «похвальный подвиг». Через год, 26 декабря 1807 г., Пашков был награжден орденом Святой Анны второго класса при новом благодарственном рескрипте [28, с. 29—30].

Актеры М. Г. Медокса (еще в статусе труппы частного театра) работали в доме на Моховой до Великого поста 1806 г. Последние спектакли (драма «Великодушные, или Рекрутский набор» и опера «Новое семейство») даны были здесь 10 февраля 1806 г. [6, с. 93].

Театр в доме Пашкова (или, как его еще называют документы, «Театр на Моховой») был специально отремонтирован для работы здесь теперь уже императорской труппы. «Устроение» помещения, выполненное неким «машинистом» Князевым, обошлось в 3 800 руб. В ходе работ были «сделаны потолки над всем зданием, поставлены печи, перегородки и тамбуры в подъездах, а также заделаны окна войлоком» [6, с. 95].

Одновременно с ремонтом театра на Моховой решился вопрос о судьбе наследия Г. М. Медокса, которое перешло в собственность дирекции. Имущество разорившегося антрепренера сводилось к двум основным объектам. Первый — расположенный «в 6-й части в первом квартале под № 92, в приходе Спаса Преображения Господня, что в Копьях, на Петровской улице», сгоревший Петровский театр, с деревянным домом, в котором по крайней мере до 1811 г. жил сам М. Г. Медокс. Второй — принадлежавший ему увеселительный «воксал», находившийся «в 17-й части, во втором квартале под № 129, в приходе Мартина Исповедника, что в Алексеевской», и представлявший собой «воксальное здание с садом и каменным флигелем» [6, с. 95].

Вопрос о восстановлении здания театра на Петровке не поднимался [6, с. 96—97]. Единственное, что было сделано театральной дирекцией с этой частью имущества, — из него «было выбрано все железо» (2 тыс. 396 пудов) и продано за 3 тыс. 833 руб. 60 коп. [6, с. 95].

Несмотря на то, что главный театр города функционировал, отсутствие у него собственной сцены являлось очевидным парадок-

сом. Это не только сильно затрудняло работу труппы, но и противоречило интересам и зрителей, и хозяев — театральной дирекции, которая теряла на этом непополненные средства от возможных сборов. Кроме того, столичный город, лишенный собственного театрального здания в начале XIX в., уже не мог не вызывать удивление. Во всеподданнейшем докладе директора императорских театров обергофмаршала А. Л. Нарышкина создание нового московского театра вместо сгоревшего Петровского называлось как «неизбежность» [28, с. 28], а его устройство должно было быть осуществлено на «приличных столице основаниях» [28, с. 28]. Не случайно уже в 1807 г. (т. е. меньше чем через год после улаживания дел с долгами М. Г. Медокса) было принято решение о постройке в Москве нового театра. О важности этого мероприятия говорит тот факт, что решение принималось лично императором [4, с. 2].

Новое здание решили строить у Арбатских Ворот. Высочайше утвержденный проект отличался «роскошностью» [28, с. 28]. Главным материалом при строительстве служило дерево, что позволило осуществить задуманное в самые кратчайшие сроки — уже к концу того же, 1807 г. [7, с. 113].

Здание на Арбатской площади строилось как его единственная замена Петровского театра на Петровке [6, с. 96—97].

В том же году состоялся переезд труппы, и театр открылся 13 апреля 1808 г. спектаклем «Баян, русский песнопевец древних времен» [4, с. 4].

Новое здание деревянного Арбатского театра возводили быстро, но не формально. Оно было очень красивым, как и полагалось главному столичному театру. Известно, что здание было полностью окружено «колоннами, подъезды к нему были со всех сторон; большое пространство между колоннами, в виде длинных галерей, служило удобным местом для прогулок. Декорации для него были написаны художником Скотти» [4, с. 4].

Общая стоимость строительства и украшения театра составила на 31 января 1810 г. 38 тыс. 4 руб. 13 ½ коп. В том числе «на окончательную расплату собственно по строению» ушло 27 тыс. 72 руб. 19 ¾ коп., за «зделание некоторых нужных для театра вещей» (обивку лож, внутреннюю роспись и др.) — 10 931 руб. 94 ¼ коп. [9]. Причем подобного рода расходы были тяжелы даже для государства. В свя-

зи с этим, когда казначейство передало из своих средств всю потребовавшуюся сумму в распоряжение московского военного губернатора Т. И. Тутолмина, от него потребовали частично ее компенсировать. Это предполагалось сделать за счет принадлежащих дирекции Московского императорского театра домов, которые были поставлены на продажу для погашения долгов московского театра [10].

Через полтора года после открытия произошел неприятный инцидент, который позволил впоследствии говорить о низком качестве постройки [6, с. 104]. Благодаря сохранившемуся отчету о происшествии перед директором императорских театров А. Л. Нарышкиным, мы знаем этот полуанекдотичный-полутрагичный эпизод достаточно полно.

9 октября 1810 г., когда давали пьесу «Сулъеты», на сцене «провалилась часть пола» [6, с. 103]. Произошло это событие, чуть не ставшее трагическим, в конце пятого акта, когда, согласно сценарию, на сцене «происходило разрушение моста, пальба и движение с обеих сторон войск, на том самом пункте, где собрались и остановились все статисты и певчие для выхода... к провозглашению победы». В это время на наиболее перегруженном участке пола «близ самой задней кулисы, семь досок провалились, и кулиса одна, не принадлежащая к пьесе, покачнулась на стену». В результате буквально на глазах зрительного зала «несколько человек из статистов и певчих, стоявших за кулисами на тех досках» провалились под сцену. Но произошло это «так, однако ж, счастливо, что кроме того, что четыре человека солдат и два человека певцов зашиблись несколько, никому вреда не сделалось». Более того, зрители ничего не заметили, т. к. «падение сие было без большего треску и шуму», действующие на сцене «ни мало не замешались, продолжив свое дело», а пострадавшие, срочно «вышедши из-под» нее, завершили вместе со всеми «надлежащий по пьесе выход, и кончилось представление обыкновенным порядком». Администрация уверяла, что «можно удостоверительно сказать, что, кроме находившихся на сцене и полиции, никому во время спектакля и по окончанию оногo происшествия сие неизвестно» [11]. Это похоже на правду, т. к. столь яркое событие не могло быть не отмечено в других официальных документах и воспоминаниях.

Разбираясь с причиной аварии, выяснили, что качество постройки театра было не при чем. Совпали две вещи. Первая — скопление

большого числа людей в одном месте. Вторая — слабость конструкции: доски лежали в пазах (следовательно, прогибались), а опоры оказались слабыми.

Учитывая, что есть спектакли, где даже «большее число статистов потребляемо», срочно «приняли меры к исправлению». Больше сообщений о подобных происшествиях не поступало. Таким образом, говорить о крайне плохо отстроенном здании московского театра не приходится. Труппа без значительных происшествий давала спектакли в деревянном Арбатском театре вплоть до занятия Москвы войсками Наполеона в начале сентября 1812 г.

Вступление Великой армии в Москву было полной неожиданностью как для значительной части жителей «Первопрестольной столицы», так и для большей части служащих многочисленных учреждений. Известие о победном Бородинском сражении [27, с. 43—44] и активное внедрение Ф. В. Ростопчиным в сознание населения идеи о невозможности сдачи города («Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет») успокоили и сильно обнадежили древнюю столицу. После извещения о сражении 26 августа жители приободрились настолько, что даже провели крестный ход у Иберской часовни [3, с. 10]. Но прибытие раненных при Бородино, а вместе с ними известия, что сражение не было продолжено и русская армия отступает к Москве, превратило оставление города в огромный поток. Его максимум пришелся на 31 августа — 2 сентября, когда уже всем было известно, что Москву оставят без боя.

Традиционно считается, что последний спектакль, данный в городе в преддверии ее оставления французам, состоялся 30 августа 1812 г., то есть буквально за 2 дня до вступления Наполеона. Согласно программе, давалась пьеса «Наталья, боярская дочь», вслед за которой планировался маскарад [6, с. 68]. Однако подтверждений, что программа была реализована, не имеется. Вполне возможно, что в преддверии ожидания конца и в условиях массового исхода москвичей, оба мероприятия сорвались. Скорее всего, последним представлением Арбатского театра был назначенный на вторник 27 августа «Бригадир» Дениса «Фонь-Визина» и оперетта в одно действие «Девичник, или Филаткина свадьба» [4, с. 4].

В ночь на 31 августа «управляющий театрами» А. А. Майков получил эстафету с предписанием о выезде из Москвы. Возможно,

что первые сообщения пришли к нему чуть ранее (на 1 день или на 1 ночь) [3, с. 54], но даже это не могло существенно помочь делу, т. к. средств для эвакуации в распоряжении московских властей катастрофически не хватало, а стоимость найма транспорта в эти дни выросла в 20—25 раз по сравнению с довоенным временем [26, с. 704].

Согласно полученному предписанию, А. И. Майков должен был вывезти из Москвы в «безопасное» место казну Московского театра, школу и артистов. Место прибытия в послании указано не было. Вместо этого предписывалось обратиться за инструкциями к Ф. А. Ростопчину. Главнокомандующий Москвы предложил театру отбыть во Владимир, но на просьбу о предоставлении 150 подвод, наотрез отказал. В итоге А. И. Майков уехал разбираться с делами, что называется, ни с чем. Но, прибыв в театр, он быстро понял абсолютную невозможность в таких условиях хоть что-то эвакуировать, вернулся к главнокомандующему и (по его словам) «со всем уже усилием требовал спасти казенный интерес, школу и тех людей, которые для дирекции необходимы» [12]. Итогом стало получение из 150 требуемых 19 подвод. К ним директор смог присоединить где-то найденные 11 телег, в которых впряг своих собственных лошадей. На транспорт спешно погрузили деньги, некоторые документы (в частности, «книгу общего прихода и расхода»), наиболее дорогостоящие «вещи гардероба» и «без изъятия всю школу», при которой следовала часть актеров. На остальных служителей мест не хватало даже в пешем виде. В итоге часть актеров, актрис и музыкантов, у кого были на то возможности, отправились своим ходом, чтобы не отягощать караван. Другим директор «принужден был дать билеты, дабы изыскивали свои способы спасения» [13]. Из вещей более ничего вывезти не могли физически. Для сохранения здания и имущества все помещения театра заперли, оставив унтер-офицера Мельникова с «находящейся при нем инвалидной командой» и приказом оставаться «до той минуты покуда будет возможно» [14].

В ночь на 1 сентября в 3 часа утра театральный обоз во главе с «помощником по хозяйственной части, казначеем, секретарем и смотрителем гардероба» выехали во Владимир. Путь занял более восьми суток, совсем не напоминающих праздничную прогулку. Дороги были забиты, смен лошадей на станциях не было, лихие люди и оставшие солдаты разбойничали. Даже миролюбивые до того кре-

стьяне нередко проявляли крайнюю враждебность. Кроме того, прибыв по окончании переезда во Владимир и надеясь обрести здесь покой, актеры узнали, что остановиться в городе попросту негде. В нем «не только нет квартир, и нет места в кружных селениях, великое число приехавших остановились и живут в поле» [15].

Учитывая такое положение дел, дирекция императорских театров предписала труппе ехать в Кострому, куда беглецы в итоге и прибыли, задержавшись на какое-то время в Плесе (заштатный город Костромской губернии). Несмотря на все выпавшие на их долю беды, актеры продолжили свою работу в этом губернском центре. В качестве театрального здания ими был использован дом губернатора [4, с. 2].

Благодаря усилиям А. И. Майкова удалось эвакуировать часть труппы и управления, вывезти финансы (в том числе нерастраченную сумму за предшествующий год) [16] и практически полностью спасти (учитывая дальнейшую судьбу Москвы) дорогостоящие театральные костюмы. Но сам московский Арбатский театр оказался полностью уничтожен во время знаменитого «Великого московского пожара», исчезнув в его огне одним из первых [4, с. 4]. Впоследствии он никогда уже не восстанавливался.

После возвращения Москвы был поставлен вопрос о возможности и даже целесообразности возобновления здесь собственно театра. Дело в том, что крайне дорогостоящая утрата здания со всем оборудованием и подавляющей частью необходимых вещей, реквизита, делали реализацию этой задачи крайне сложной. Тем более в условиях продолжающейся войны и колоссального разорения части страны. Причем в необходимости восстановления театра в Москве как обязательной части города никто даже не сомневался. Не позднее конца 1813 г. сами местные «обитатели» «нетерпеливо» выражали желание «видеть спектакли» [17]. Государственные мужи также считали для себя крайне важным возродить в Москве театральные представления. Причем в качестве зрителей они рассматривали уже не одну образованную элиту, а абсолютно «всякого состояния» людей. Более того, власти видели в театре мощный фактор наполнения Москвы новым населением, заметно убавившимся за 1812 г. («тем самым приохотить их к самому даже основанию жительства») [18].

По сути, к январю 1814 г. театр в Первопрестольной уже возродился сам собой, но пока что на частных основах. Учитывая потребность со стороны горожан, «г-н Поздняков, хотя и частный человек... открыл свой собственный театр, в котором столь великое стечение бывает зрителей...» [19]. Затея оказалась настолько выгодной, что доход Позднякова только от одного спектакля насчитывал от двух до четырех тысяч рублей [20].

Но особая важность в возрождении московского театра состояла в том, что в случае его роспуска (даже на время) пришлось бы «потерять безвременно» и труппу, и театральную школу. Для их возобновления на прежнем уровне неизбежно потребовались бы значительные затраты как денег, так и времени [21]. Несмотря на катастрофичность последствия, такой вариант развития событий был вполне возможен: «высочайшим повелением» решение вопроса о строительстве нового театра в Москве было «отложено на неопределенное время» [4, с. 5—6]. Понимая это, театральная дирекция просила в случае худшего варианта развития ситуации передать часть людей из труппы, оркестра, московской театральной школы для петербургской сцены.

Цена решения вопроса составляла относительно небольшую сумму — дополнительных 40 тыс. руб., «кои нужны будут необходимо на наем партикулярного дома им на устройство в нем самого театра» [22]. Театральная дирекция усиленно изыскивала возможность найти эти деньги, причем не в виде безвозмездного пожертвования, а исключительно «заимообразно» (в долг). Но решение оказалось связанным с целым комплексом финансовых и (главным образом) бюрократических сложностей. Благодаря им поиски средств тянулись по крайней мере 2,5 года — с августа 1813 по конец января 1816 г. [23].

Благоприятный исход был достигнут благодаря усилиям того же управляющего Московским императорским театром А. И. Майкова, который смог с имеющимися в его распоряжении ограниченными средствами устроить временную сцену в доме генерала Апраксина и получить чистой прибыли в размере 57 тыс. руб. [24]. Их-то и пустили в ход, обойдя бюрократические препоны. Результат этот был столь спасителен и одновременно неожидан, что глава всей театральной дирекции А. Л. Нарышкин назвал его буквально чудом («решился... можно сказать, дивным образом») [25].

* * *

1. Бескин Э. М. История русского театра. М.; Л., 1928. Ч. I. 324 с.
2. Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1836. 126 с.
3. Корбелецкий Ф. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. Описание с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. СПб.: Типография Департамента внешней торговли. 1813. 69 с.
4. Михайловский В. А. Историческая справка о Большом театре в связи с Императорскими Московскими театрами. М., 1900. 185 с.
5. Опочинин Е. Н. Театральная старина. Исторические статьи. Очерки по документам. Мелочи и курьезы. М.: Издание редакции журнала «Развлечение», 1902. 152 с.
6. Погожев В. П. Столетие организации Императорских Московских театров (опыт исторического обзора). Вып. I. Кн. I. СПб.: Типография Главного управления уделов. 1906. 544 с.; Кн. 2. СПб.: Издание Дирекции Императорских театров, 1907. 568 с.
7. Пыляев М. И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Московский рабочий, 1990. 564 с.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф-16. Д. 578. Часть V. Л. 90—90 об. Донесение генерал-губернатора П. Д. Еропкина императрице Екатерине II от 25 октября 1789 года.
9. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф-497. Оп. 1. Д. 567. Л. 1-1об. Дело о восстановлении деревянного Петровского театра.
10. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 567. Л. 1-1об.
11. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 565. Л. 1об. Рапорт из Канцелярии Императорского Московского театра директору Императорских театров А. Л. Нарышкину от 10 октября 1810 года.
12. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1151. Л. 5—5об. Рапорт управляющего Московским Императорским театром А. А. Майкова директору Императорских театров Л. Н. Нарышкину от 8 сентября 1812 года.
13. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1151. Л. 5об.
14. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1151. Л. 6.
15. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1151. Л. 5—6.
16. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1151. Л. 6об.

17. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 9. Краткая записка о причинах по которым необходимо нужно и полезно для казны возобновить в Москве временный театр. Январь 1814 года.

18. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 7.

19. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 9.

20. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 9.

21. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 10—11.

22. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 2об.

23. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 2—15.

24. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 14об.

25. РГИА. Ф-497. Оп. 1. Д. 1265. Л. 14.

26. Ростопчин Ф. В. Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф. В. Ростопчина. Перевод с французской подлинной его рукописи // Русская старина. Т. LXIV. Вып. 12. СПб., 1889. 158 с.

27. Ростопчинские афиши 1812 года. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1889. 465 с.

28. Танеев С. В. Из прошлого Императорских театров. Краткий исторический очерк. Вып. I. 1725—1825. СПб.: Типография В. В. Комарова. Фонтанка № 74. 1885. 245 с.

29. Центральный государственный архив города Москвы. Ф—16. Оп. 1. Д. 276. Л. 8, 18.